

Интересы и шансы России в Центральной Азии

Москва не в состоянии оказывать значимое влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в странах Центральной Азии | **АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО**

В начале 1990-х Центральная Азия была для России чем-то вроде «отцепленного вагона», но сегодня Кремль пытается прицепить этот «вагон» к российскому «эшелону» как можно крепче. Такой курс обусловлен в первую очередь политическими и лишь во вторую — экономическими причинами. Собственно экономическая ценность Центральной Азии для России не особенно высока и определяется, прежде всего, заинтересованностью в транзите энергоресурсов. Главная цель Москвы в регионе — создание (или воссоздание) зоны своих особых интересов, «сателитизация» бывших советских республик и, по возможности, ограничение влияния внешних «акторов», в первую очередь США и Китая.

Отдельное место в этой политике занимает Казахстан, у которого с Россией складываются отношения особой близости; усилия президента Путина, направленные на постсоветскую интеграцию, опираются преимущественно на российско-казахстанские отношения.

В конце прошлого века Збигнев Бжезинский писал, что Россия «слишком слаба политически, чтобы полностью закрыть регион для внешних сил, и слишком бедна, чтобы разрабатывать данные области

(Центральную Азию — **А.М.**) исключительно собственными силами»¹. В XXI веке ситуация практически не изменилась.

Национальные интересы России в Центральноазиатском регионе

Интересы России в Центральной Азии обусловлены, во-первых, ее стремлением сохранить влияние в регионе, удержать под своей эгидой остатки постсоветского пространства и тем самым подтвердить свою роль если не мировой, то, во всяком случае, евразийской державы. Подобные притязания остаются одной из главнейших мотиваций внешней политики Кремля, страдающего комплексом неполноценности в связи с повсеместным ослаблением его влияния. При этом постсоветские страны — единственная часть мира, где Кремль может обоснованно претендовать на лидерство, хотя и с оговорками. Но и это пространство можно уподобить шагреновой коже.

Во-вторых, интересы России требуют сохранения и поддержания режимов, которые лояльно к ней относятся и готовы развивать с ней отношения. Решать эту задачу становится все сложнее. Внешняя политика стран Центральной Азии отличается многовекторностью — так что российское направ-

ление давно перестало быть единственным. Туркменистан изначально заявил о своем внешнеполитическом нейтралитете, что фактически стало вызовом России, а после конфликта с «Газпромом» в 2009 году его отношения с Москвой заметно ослабли. Усложнились отношения с Узбекистаном, который постепенно, хоть и медленно, втягивается в американскую внешнеполитическую орбиту. В отношениях между Россией и Таджикистаном неизменно присутствует двусмысленность: президент Эмомали Рахмон и хочет дружить с Россией, но страшится излишне тесной привязанности к ней. На сегодняшний день Москве сподручнее иметь дело с Казахстаном и Кыргызстаном. Однако и с этими странами дружелюбность носит в значительной степени конъюнктурный характер.

Кремль, с одной стороны, заинтересован в сохранении в регионе близких ему по духу авторитарных режимов. Однако практика показала, что схожесть систем не является априорной гарантией политической близости. Авторитарные правители центральноазиатских государств остаются верны курсу многовекторности, а их внешние партнеры, прежде всего США и Европа, готовы сотрудничать с местными режимами, закрывая глаза на их диктаторский характер. В то же время Россия развивает отношения с отказавшимся от авторитаризма «протодемократическим» Кыргызстаном.

Проблема Москвы состоит в том, что она не в состоянии (или почти не в состоянии) оказывать значимого влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в странах Центральной Азии. От нее не зависит, как будет происходить передача власти в Казахстане и Узбекистане или как пройдут выборы в Таджикистане. Можно вспомнить, что в 2006 году Москва молча восприняла приход к власти в Туркменистане Гурбангулы Бердымухамедова, оставалась пассивной и

в первую («тюльпановую», 2005 год), и во вторую (2011 год) киргизские революции. Уровень российского влияния на внутреннюю политику центральноазиатских стран останется «на нуле» и в будущем, тем более что кремлевская элита постепенно теряет личные связи с местными элитами, имеющие исключительное значение в постсоветских странах.

Таким образом, задачей России становится не поддержка авторитарных режимов как таковых, по причине их общности с российской моделью, но выработка общих экономических и политических целей, а главное — выстраивание отношений с новыми властителями, шире — с правящим классом и национальным бизнесом, тем более что то и другое неотделимы друг от друга.

В-третьих, Россия стремится сдержать укрепление на территории Центральной Азии внешних сил, в первую очередь Соединенных Штатов и Китая. При этом, понимая, что остановить активность внешних акторов он не в состоянии, Кремль стремится найти баланс между конкуренцией и партнерством с этими державами.

Китайская экспансия формально является, прежде всего, экономической и финансовой. Китай помогает создавать разветвленную транспортную, энергетическую инфраструктуру, которая привязывает к нему Центральную Азию и одновременно обеспечивает ему продвижение в западном направлении, в Европу. Характерно, что Китай развивает отношения с Центральной Азией на «российском поле», поскольку Россия также претендует на участие, даже на главенствующую роль в создании региональных инфраструктур.

Отвечая на китайский вызов, Россия стремится поддерживать свое влияние через многостороннюю интеграцию — Единое экономическое пространство, Таможенный союз, грядущий в 2015 году Евразийский

Союз, а также Организацию Договора о коллективной безопасности. Одновременно она участвует в совместных с Китаем проектах, против чего Пекин не возражает, поскольку играет в них ведущую роль.

Китай демонстративно избегает вмешиваться во внутреннюю политику центральноазиатских стран. В Пекине резонно исходят из того, что, кто бы ни оказался у власти в этих государствах, он не рискнет ссориться с могучим соседом. Растущее присутствие Китая в Центральной Азии тор-

мость стран Центральной Азии от бывшей «метрополии», а демократизация — создание политических систем, в большей степени соответствующих западным моделям. США помогают в реформировании местных экономик, чему Россия, сама нуждающаяся в модернизации, может содействовать лишь в ограниченных масштабах. Россия в одиночку не способна обеспечить стабильность, но если и возьмется за эту задачу, то будет добиваться, чтобы центральноазиатские государства согласились на частичный отказ от суверени-

“Смирившись с китайским натиском, Россия жестко оппонирует США, стремясь ограничить их влияние в регионе”.

мозит экономическую активность России, однако в Кремле это воспринимают как неизбежность; там всячески подчеркивают, что Центральная Азия — это территория партнерства двух держав. Символом этого партнерства можно считать Шанхайскую организацию сотрудничества, о перспективах которой говорят, правда, значительно больше, чем о ее реальных достижениях.

Смирившись с китайским натиском, Россия жестко оппонирует США, стремясь ограничить их влияние в регионе.

Сформулированный в 1990-х годах и впоследствии скорректированный подход США к Центральной Азии (о политике США в отношении Центральной Азии см. статью Джеффри Манкоффа в этом номере *Pro et Contra* на с. 41–57) заключается в поддержке суверенитета бывших советских республик, обеспечении региональной стабильности, предотвращении конфликтов, а также содействии в демократизации и в экономическом развитии². Эти стратегические задачи можно интерпретировать как вызов России, хотя бы уже потому, что суверенитет в данном случае означает большую независи-

мости. Следовательно, правительствам стран Центральной Азии имеет смысл обращаться к «третьим» внешним силам, а Россия, таким образом, окажется оттеснена. Слово «оттеснить» здесь уместнее, чем «вытеснить», хотя именно последний термин часто употребляют российские политики. Тем более что США, как и Китай, заинтересованы в том, чтобы Россия продолжала нести свою долю ответственности за обстановку в регионе.

Вывод американских войск из Афганистана в 2014 году повышает роль Центральной Азии в американской стратегии, поскольку Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, при условии сохранения или появления там американских баз, становятся «территорией наблюдения» за стабильностью на юге азиатского континента. (В 2011 году появились слухи о том, что американская база может появиться в Казахстане, но вскоре они были опровергнуты.) Авторитет США во многом будет определяться тем, насколько им удастся минимизировать издержки своего ухода из Афганистана и впоследствии способствовать разрешению афганского кризиса.

Для присутствия американских военных баз в Центральной Азии требуется «неофициальное добро» Китая и России. Пекин на этот счет не проявляет особого беспокойства. Там практически никак не комментируют вопросы, связанные с сохранением базы ВВС США в Манасе (Киргизия), а также вероятность открытия баз в Ханабаде (Узбекистан) и в Таджикистане. Пекину в каком-то смысле даже выгодно американское присутствие, поскольку оно сдерживает активность исламистов в Центральноазиатском регионе, что позитивно сказывается на обстановке в

Афганистана так и не сложилась. Более того, вместо сотрудничества наблюдается конкуренция проектов США и России, что еще более ограничивает совместные действия на этом направлении.

К тому же доходы от наркобизнеса в Центральной Азии отмываются путем инвестирования в местный бизнес, становясь таким образом легальной частью экономической жизни. Это обесмысливает борьбу против наркотрафика и бьет по благополучию России, где только по официальным данным насчитывается три миллиона наркоманов.

“Для присутствия американских военных баз в Центральной Азии требуется «неофициальное добро» Китая и России”.

граничащем с ним Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Американские базы в Центральной Азии не представляют непосредственной угрозы для России, ибо они ориентированы в южном направлении. С другой стороны, американское военное присутствие понижает значение России как гаранта региональной безопасности. Речь, таким образом, идет об угрозе российскому авторитету, но не России как таковой.

В-четвертых, национальный интерес России заключается в сдерживании трафика афганских наркотиков — из Центральной Азии и через ее территорию. В 2011 году в Афганистане было произведено 5 800 т. опиума³. Афганистан и Центральная Азия превратились в единый наркоанклав, где произошло разделение на производителей (Афганистан) и перевозчиков наркотиков (Центральная Азия).

На сегодняшний день эффективная международная «макросистема» по борьбе с наркотиками с участием России, США, Китая, центральноазиатских государств,

В Россию через Центральную Азию ежегодно поступает от 60 до 75 т. афганского героина. Дополнительная сложность борьбы против наркобизнеса состоит в том, что сокращение производства наркотиков в Афганистане и уменьшение их транзита через Центральную Азию неизбежно вызовет рост их производства в самом регионе, поскольку, как и в Афганистане, выращивание конопли и мака уже является здесь важным источником дохода для некоторых групп сельского населения.

Проблемы в борьбе с наркотрафиком могут возрасти, если Кыргызстан вступит в Таможенный союз. По мнению директора Центральноазиатского центра наркополитики Александра Зеличенко, «если сейчас контролируется переход границы между Кыргызстаном и Казахстаном, тогда как между Казахстаном и Россией — уже нет, и россияне жалуются, что больше стало завозиться наркотика, думается, что эта проблема может усугубиться»⁴.

В-пятых, в число национальных интересов России безусловно входят проблемы центральноазиатской миграции, которую можно

назвать обоюдным вызовом, содержащим как взаимные выгоды, так и взаимные сложности.

Точное количество мигрантов из Центральной Азии неизвестно, поскольку большинство проникает в Россию нелегально. Количество мигрантов из Кыргызстана по разным оценкам колеблется от 400 тыс. до 1 млн (по данным киргизского МВД — 500 тыс.). Гастарбайтеров из Узбекистана — от 600—700 тыс. до 1—2 млн⁵. По словам же министра внутренних дел Узбекистана Баходыра Матлюбова, в 2007 году в России работало 220 тыс. узбекских гастарбайтеров⁶. Неизвестно и число приезжающих на работу в Россию из Таджикистана. В ноябре 2011 года в одном и том же номере «Новой газеты» были опубликованы сразу три разные оценки — 1 млн, 1,5 млн и 2 млн человек⁷.

Миграция привлекает Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан к бывшей метрополии. Из Узбекистана на работу выезжают (преимущественно в Россию) до 33 проц. трудового населения, а денежные переводы мигрантов составляют от 15 до 59 проц. ВВП⁸. Согласно статистике Центрального банка РФ, общий объем перечислений от таджикских мигрантов в 2010 году составил 2,2 млрд дол., объем ВВП Таджикистана — 5,6 млрд долларов⁹. В 2011 году таджикские мигранты перевели на родину 2,96 млрд дол., что на 444 млн дол. выше рекордного 2008 года. Их поступления составили 45,5 проц. от ВВП страны¹⁰.

Влияние миграции на отношения между Россией и ее южными соседями носит противоречивый характер. Миграция способствует укреплению контактов между российским и центральноазиатским сообществом, но одновременно является фактором взаимного раздражения и отторжения. В российском обществе отношение к мигрантам в основном негативное, что способствует росту ксенофобии и национализма.

Относительно новой для России проблемой стала исламизация мигрантов. Иными словами, если ранее прибывавшие на заработки уроженцы Центральной Азии не проявляли большого интереса к религии, то с начала 2010-х годов в этой среде наблюдается укрепление исламской идентичности. Выходцы из Центральной Азии все больше соблюдают пост, регулярно посещают мечети (в Москве всего пять мечетей, а число мусульман, включая гастарбайтеров, составляет от одного до полутора миллионов, то есть имеющих мечетей уже не хватает). Наконец, через мигрантов из Центральной Азии в Россию проникают радикальные настроения, что особенно заметно, в частности в Волго-Уральском регионе.

В Государственной думе неоднократно обсуждался вопрос о введении визового режима для стран Центральной Азии. В 2013 году президент Путин заявил, что такой режим будет введен с 2015 года для всех стран, кроме членов Таможенного союза, то есть Казахстана и Белоруссии. Это якобы поможет решить проблему с безработицей в России, снизит криминал. Однако специалисты, изучающие миграционные процессы в России, давно подметили, что ужесточение миграционного законодательства приводит к росту числа нелегалов¹¹. В ближайшее время едва ли будет найдено приемлемое решение вопроса о миграции, которое бы устроило обе стороны, так что, по всей видимости, отношения между Россией и ее южными соседями будут только осложняться.

В-шестых, национальные интересы России неотделимы от проблемы транзита энергоносителей через ее территорию. Этот вопрос выходит за рамки собственно центральноазиатской и, еще шире, каспийской темы. Всю первую половину 2000-х годов «Газпром» пытался удержать контроль над российским и центральноазиатским экспортом газа, рассчитывая таким образом сохранить их в

сфере российского влияния, но в итоге это привело к обратному эффекту. В декабре 2009 года председатель КНР Ху Цзиньтао открыл самый длинный в мире газопровод между Туркменией и Синьцзяном, что, по мнению британского эксперта Адриана Пабста, «означало конец российской монополии на транспортировку энергоносителей в Центральной Азии»¹². Газовый поток разделяется на несколько «ручьев», которые текут в обход России. Произошла неизбежная и предсказуемая диверсификация маршрутов, чему в огромной степени способствовал рос-

уступки, он сумел бы в итоге сохранить свои позиции. Но этого не произошло, и Россия оказалась отстранена от «проекта века» — газопровода ТАПИ (Туркмения — Афганистан — Пакистан — Индия) с пропускной способностью в 30 млрд куб. м, который станет стратегической магистралью, соединяющий Центральноазиатский и Южноазиатский регионы. Туркмения отказалась от услуг «Газпрома» в финансировании проекта. Одновременно Китайская национальная нефтяная компания (*Chinese National Petroleum Company*) заявила, что объем

“Стабильность в Центральной Азии формально остается «священной коровой» российской политики, но с другой стороны, политическая хрупкость **Москве на руку**”.

сийско-украинский скандал 2008–2009 годов и взрыв газопровода в Туркмении, произошедший в апреле 2009-го (в Ашхабаде намекали, что этот взрыв был специально устроен «Газпромом», чтобы привязать туркменский транзит к России). Ныне Китай обходит Россию по закупкам энергоносителей в Центральной Азии (см. статьи Раффаэло Пантуччи и Александра Петерсена в этом номере *Pro et Contra* на с. 58–69, а также статью Олега Червинского на с. 35–40).

Еще в конце 1990-х годов можно было предположить, что рано или поздно потребители российских углеводородов, а также те, кто получает газ через российский транзит, озаботятся созданием альтернативных маршрутов: проекты таких маршрутов (главный из них Баку — Джейхан) рассматривались уже в то время. Однако характерная для российской политики инерционность, тяга к монополизации, неспособность быстро ориентироваться в новых обстоятельствах в конечном счете ослабили позиции России и в этой сфере — если бы «Газпром» действовал более гибко и шел на мелкие

поставляемого в Китай туркменского газа к 2015 году возрастет с 13,5 до 60 млрд куб. м, а Государственный банк Китая предоставил Туркмении кредит в 4,1 млрд долларов. Можно считать это вызовом России, а можно — результатом ее собственных ошибок.

Говоря о национальных интересах России в Центральной Азии, мы не упомянули стабильность в регионе, которая, как это ни покажется парадоксальным, *не является* для России безусловным стратегическим императивом. Конечно, с одной стороны, стабильность в Центральной Азии формально остается «священной коровой» российской политики, но с другой стороны, политическая хрупкость Москве на руку: угроза конфликтов внутри региона, напряженность на его южных границах дает России повод предложить себя в качестве гаранта против любой угрозы.

Также вне сферы российских интересов оказались почти 8 млн русских, фактически брошенных Россией на произвол судьбы. Россия не оказывает существенной поддерж-

ки русскому населению и ни разу не использовала «русский вопрос» как инструмент давления на своих южных соседей, несмотря на то что в случае социально-политических катаклизмов незащищенность русских (и шире – славянского населения) может обернуться трагедией, особенно если конфликты будут носить религиозно-политический характер.

Россия и региональные организации

Каким образом Россия стремится реализовать свои национальные интересы в Центральной Азии? Стратегией Москвы здесь стала интеграция, которую она осуществляет с помощью уже существующих, но – что важнее – вновь создаваемых ею региональных организаций, причем не только с участием стран Центральной Азии, но и других стран постсоветского пространства. Использованию «возможностей Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), а также Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)» неизменно придается важное значение официальных российских документах¹³. Специалист по Центральной Азии Рой Аллисон пишет, что Россия пытается выступать с позиций «охранительной интеграции» (*protective integration*)¹⁴, то есть предлагает свои услуги по интеграции, гарантирует ее выгоду и свое покровительство, но при условии, что за ней сохраняется роль интеграционного центра. Главенство или попытка главенства России в той или иной организации отнюдь не устраняет противоречия, существующие между ее участниками. России непрестанно приходится заботиться о консенсусе между ними, что не всегда удается.

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ Ведущей организацией призван стать Евразийский Союз (ЕАС), к формированию которого Россия присту-

пила в 2011 году. Далекой предтечей ЕАС можно считать ЕврАзЭС, в рамках которого и зародилась идея о создании ЕАС. Кроме того, в 2007 году было принято решение о создании Таможенного союза (ТС) в составе Белоруссии, Казахстана и России. В рамках ТС заработал первый на постсоветском пространстве наднациональный орган – Комиссия Таможенного союза. По словам первого заместителя премьер-министра Казахстана Умирзака Шукеева, объем взаимной торговли между странами ТС только в его стране за девять месяцев 2011 года вырос на 57 проц. по сравнению с аналогичным периодом 2010-го¹⁵. С января 2010 года в рамках ТС был введен единый таможенный тариф, с 1 июля 2011 года был снят таможенный контроль на внутренних границах между Россией, Казахстаном и Белоруссией¹⁶.

1 января 2012 года ТС заработал в полную силу, однако взаимная выгода от него станет ясна только спустя значительное время. Многие решения, касающиеся деятельности ТС, принимались в острой, по выражению Шукеева, «непротокольной» дискуссии¹⁷. Существует мнение, что в рамках ТС Россия теряет до 1 млрд дол. ежегодно. Известно и то, что в рамках ТС Россия платит около 90 проц. всех пошлин¹⁸. Оценка ТС внешними независимыми наблюдателями весьма противоречива. С одной стороны, ТС считается шагом вперед на пути к интеграции, с другой – воспринимается как «своего рода забор, который мы воздвигаем вокруг экономики трех стран»¹⁹. По мнению лидера казахстанской оппозиционной партии «Азат» Булата Абилова, две трети населения Казахстана разочарованы вступлением республики в Таможенный союз. Цены на топливо и товары первой необходимости за два года работы ТС выросли на 15 процентов. Оппозиция настаивает на том, что вопрос об участии Казахстана в ТС должен быть решен только после проведения специального референдума²⁰.

Отдельную проблему представляет миграция. С 2012 года в рамках ТС введено свободное движение рабочей силы. Для России и Казахстана это не имеет большого значения. Зато, например, в Белоруссии заметно вырастет количество выезжающих на заработки в Россию. Разрешение на свободное движение рабочей силы усилит миграционный поток из Кыргызстана и Таджикистана, если эти страны присоединятся к ТС.

До 2011 года интеграция ограничивалась по большей части формальным уровнем. Ее воплощению в реальность препятствовали

речь шла о «превращении интеграции в понятный, привлекательный для граждан и бизнеса, устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от перепадов текущей и любой иной конъюнктуры». Российский президент при этом сделал оговорку, что «речь не идет о том, чтобы в том или ином виде воссоздать СССР»²¹.

Безусловно, все три страны заинтересованы в расширении рынка. Однако уже при подписании документов о начале формирования ЕАС политики и экономисты в Казахстане и России поставили вопрос о его

“Ошибкой Москвы можно считать то, что в Кремле длительное время добивались вовлечения в интеграционный процесс как можно большего числа государств”.

сложности двусторонних отношений России с ее партнерами, в частности в энергетической области, а сама интеграция носила половинчатый и «необязательный» характер. Тактической ошибкой Москвы можно считать то, что в Кремле в течение длительного времени добивались вовлечения в интеграционный процесс как можно большего числа государств. Но постепенно в Москве стали приходить к заключению, что необходимо торопиться и делать больший упор на темп интеграции, ибо замедление неизбежно ведет к ослаблению позиций России.

В ноябре 2011-го президенты Белоруссии Александр Лукашенко, России Дмитрий Медведев, Казахстана Нурсултан Назарбаев подписали Декларацию о евразийской экономической интеграции, которая в 2015 году должна привести к созданию Евразийского Союза, а также подписанию Договора о Евразийской экономической комиссии. С 1 января 2012 года эта комиссия стала единым наднациональным, постоянно действующим органом, регламентирующим отношения внутри ТС. Как выразился Путин,

целесообразности. Например, по мнению директора Центральноазиатского института свободного рынка Мирсулжана Намазалиева, ТС в первую очередь выгоден России. «Объединяться в такой союз таким небольшим странам, как Кыргызстан и Таджикистан или, например, Украине – необязательно. Да и Казахстан проигрывает, войдя в состав Таможенного союза»²². Директор алматинского Центра актуальных исследований «Альтернатива» Андрей Чеботарев считает, что Евразийский Союз наиболее выгоден России, «так как он позволит ей вернуть влияние в Центральноазиатском регионе», поскольку «СНГ уже давно утратило свои интеграционные потенциалы...»²³.

В 2011 году президент Ислам Каримов фактически отверг идею вступления Узбекистана в ЕАС. Он публично высказал подозрение, что для Кремля главная цель создания ЕАС лежит в сфере политики: «К сожалению, кое-где на пространстве бывшего Союза есть определенные силы, которые вынашивают мысли о возрождении в новой форме империи, носившей название СССР...»²⁴.

Действительно, в Москве предпочитают умалчивать о политическом подтексте ЕАС, утверждая, что будущий Союз носит чисто экономический характер. Экономическое взаимодействие невозможно без политического, а экономическое превосходство России потенциально влечет за собой и политическую гегемонию. Как к этому относятся в Узбекистане, было отмечено выше. Очевидно, что возвращаться под контроль Москвы не хотят и в Казахстане, да и вообще где бы то ни было. В апреле 2012 года в интервью телеканалу «Вести-24» Назарбаев вновь подчеркнул, что речь идет только о создании к 2015 году *экономического* (курсив мой. — А. М.) союза²⁵.

Касаясь вопроса об использовании ЕАС и ТС как инструментов политической интеграции, российский ученый Алексей Власов замечает, что «постсоветское пространство должно консолидироваться прежде всего экономически, а политически — уже как получится»²⁶. Казахский аналитик Талгат Мамырайымов считает, что в экономическом плане Кыргызстан и Таджикистан не представляют существенного интереса для ТС и России, их включение в ТС несет исключительно геополитическую нагрузку²⁷. С еще большей откровенностью высказывается руководитель проекта «Центральная Евразия» (Узбекистан) Владимир Парамонов. Рассуждая о будущем Кыргызстана, Парамонов писал, что этой стране «...возможно, стоит задуматься над тем, чтобы в рамках интеграционного процесса на постсоветском пространстве поделиться с теми же Россией, Казахстаном и Беларусью частью своего политического, экономического и военного суверенитета, позволив Москве, Астане и Минску сделать то, что сам Бишкек не может или не хочет сделать»²⁸.

На Западе к новому проекту относятся довольно спокойно, поскольку принято считать, что у России не хватит сил для создания

международной организации, способной изменить расстановку сил в Центральной Азии с кардинальным усилением позиций Москвы. Да и экономические возможности России недостаточно велики, чтобы сделать ее безальтернативным партнером для Казахстана и других потенциальных членов ЕАС. С другой стороны, ЕАС воспринимается как очередная, возможно, последняя попытка России создать подконтрольную ей структуру, еще раз попробовать восстановить — хотя бы частично — былую сферу влияния. Бывший госсекретарь США Хилари Клинтон определила стремление России к интеграции через создание ЕАС и ТС как «движение к советизации региона» (*a move to re-Sovietize the region*)²⁹.

Вряд ли старт нового интеграционного проекта окажет радикальное влияние на экономическую ситуацию в Центральной Азии. Очевидно, что он никак не скажется на политической обстановке в странах региона. При всей активности России на этом направлении весьма вероятно, что новый интеграционный проект для Евразии останется таким же фантомом, как и его предыдущая версия — ЕврАзЭС. ЕАС может оказаться «лебединой песней» интеграционной стратегии не только путинского режима, но и, возможно, всей российской политики на южном, и, в целом, на постсоветском направлении.

ОДКБ Если создание ЕАС и ТС Россия мотивирует исключительно экономическими целями, то перед другим сформированным ею объединением — Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) поставлены собственно политические и военно-политические задачи. После распада СССР первый Договор о коллективной безопасности (ДКБ) подписали 15 мая 1992 года Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. В 1993-м к нему присоединились Азербайджан, Беларусь и Грузия. В 1999 году только 6 стран —

Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан подписали протокол о продлении срока своего участия в Договоре на следующий пятилетний период. Азербайджан, Грузия и Узбекистан подписывать Договор отказались. В 2002 году по инициативе России ДКБ был переименован в Организацию Договора о коллективной безопасности, что добавляло ей солидности, а также претензию на статус, «сопоставимый» с другими влиятельными международными организациями. Переименование ДКБ в ОДКБ закрепляло особое положение России на постсоветском пространстве, особенно в Центральной Азии. К тому же членство в ОДКБ становилось для государств региона своего рода козырем в общении с внешними игроками, прежде всего с США. Например, когда президент Узбекистана Ислам Каримов подвергся серьезнейшей критике за жестокое подавление волнений в Андижане в 2005 году, он «обиделся» на Вашингтон и понизил уровень отношений с Америкой, демонстративно присоединившись к ОДКБ.

Главными целями ОДКБ, согласно ее Уставу, является «укрепление мира и региональной безопасности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности государств-членов...». Среди основных направлений — «борьба с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, с организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами...»³⁰. В какой мере ОДКБ способна выполнять такие задачи, не вполне ясно, поскольку в военных конфликтах Организация ни разу не участвовала, наркотрафик продолжает расти, а проблемы нелегальной миграции только усугубляются.

В 2009 году члены ОДКБ приняли решение о создании Коллективных сил оперативного развертывания (КСОР), задачи

которых практически тождественны задачам самой ОДКБ и заключаются в отражении внешней агрессии, борьбе с терроризмом и экстремизмом, наркотрафиком, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Общая численность контингента КСОР составляет около 4 тыс. человек. Контингент включает в себя высококомбинированные воинские подразделения, оснащенные тяжелой боевой техникой. Авиационное прикрытие осуществляется десятью самолетами и четырнадцатью вертолетами, базирующимися в Канте (Кыргызстан).

Узбекистан, чьи отношения с Западом стали улучшаться, соглашение о создании КСОР не подписал. Ташкент также выступил против предложения Казахстана подключить к КСОР национальные министерства по чрезвычайным ситуациям, министерства внутренних дел и спецслужбы, а заодно заявил, что узбекские военные будут делегироваться в КСОР лишь для проведения отдельных операций.

Одним из преимуществ членства в ОДКБ является то, что страны, вошедшие в его состав, закупают российское вооружение и специальную технику по внутренним российским ценам. Помимо выгодной цены для участников ОДКБ важно, что это оружие просто в обращении и не требует переучивания, поскольку хорошо знакомо центральноазиатским офицерам со времен СССР. Проблема в том, что «советско-российское» оружие быстро устаревает. Если при оснащении своих армий центральноазиатские государства принимают во внимание вероятность масштабных боевых действий — а полностью исключить военные конфликты между странами СНГ нельзя — то, в конечном счете, они обратятся к тем, кто может предоставить более эффективное оружие. Как источник военно-технической помощи Россия со временем может лишиться монополии, и подобная перспектива ограничивает при-

влекательность ОДКБ. Падению интереса к российскому оружию способствует и то, что после вывода своих войск из Афганистана США готовы передать центральноазиатским странам некоторое количество своей боевой техники.

ОДКБ можно считать гарантией сохранения на постсоветском пространстве российских военных объектов. В Казахстане это действующий космодром «Байконур», а также испытательный полигон стратегических противовоздушных и противоракетных

при возникновении там острых кризисных ситуаций. Резня на юге Киргизии в 2010 году подчеркнула слабость ОДКБ, поскольку Организация не имеет возможности предотвращать подобного рода конфликты и разрешать их. Это послужило поводом для Москвы выступить с предложением расширить функции ОДКБ с тем, чтобы мандат Организации включал в себя поддержание внутренней стабильности в странах, входящих в ее состав. Тем более что к концу 2010 года была разработана новая «стратегия кризисного

“Членство в ОДКБ становилось для государств региона своего рода козырем в общении с внешними игроками, прежде всего с США”.

войск в Сары-Шагане; в Киргизии — база ВВС в Канте и испытательная база торпедного оружия в Караколе на озере Иссык-Куль; в Таджикистане — 4-я военная база и оптоволоконный комплекс «Окно».

Генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа считает, что ситуация в Центральной Азии продолжает накаляться³¹ и «государства ОДКБ могут в любой момент оказаться один на один с талибами»³². В феврале 2009 года на саммите в Москве было принято решение, что КСОР будут реагировать на внешние угрозы, в том числе исходящие от Афганистана и Пакистана. Хотя такой поворот событий полностью не исключен, нельзя не признать, что он все же маловероятен. Из всех членов ОДКБ Афганистан имеет непосредственную границу только с Таджикистаном. Следовательно, в случае гипотетического вторжения в Узбекистан и, что совсем уж невероятно, в Туркменистан этим странам придется отражать его собственными силами.

При создании ОДКБ ее устав не предусматривал возможность вмешательства во внутренние дела стран-участниц, даже

реагирования», предусматривающая коллективные действия для «защиты безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитета государств-членов ОДКБ, а также совместного противодействия вызовам и угрозам коллективной безопасности и ликвидации чрезвычайных ситуаций»³³.

Стремление России задействовать ОДКБ для поддержания прочности режимов в тех странах, которые являются ее членами, вполне объяснима. Нынешние режимы, несмотря на возникающие между ними и российским руководством разногласия, Москву в целом устраивают. Со своей стороны, в центральноазиатских государствах рассчитывают, что Москва, напуганная «цветными революциями» 2000-х годов, а затем и «арабской весной», в критический момент готова поддержать правительства стран Центральной Азии. В декабре 2011 года на заседании Совета коллективной безопасности ОДКБ было принято «Положение о порядке реагирования государств — членов ОДКБ на чрезвычайные ситуации», в котором, в частности, оговорена возможность привлечения сил и средств КСОР в случае возникновения

ситуации, которая не может быть ликвидирована силами и средствами государства — члена ОДКБ, на территории которого она произошла³⁴. Таким образом в руках у России оказывается инструмент для *легитимного* вмешательства в дела партнеров по ОДКБ.

Международные организации, созданные усилиями России в Центральной Азии, не способны переломить главную тенденцию — снижение российского влияния в регионе. Экономические связи с Россией ослабевают, и теперь Москва возлагает главную надежду на создаваемый ею Евразийский Союз. По замечанию российского эксперта Андрея Грозина, «у самих республик Центральной Азии нет конкретной и продуманной стратегии по отношению... к региональным военно-политическим проектам»³⁵. Зачастую они воспринимают эти блоки как «крышу на всякий случай», причем имеется в виду не внешняя агрессия, а необходимость отразить внутреннюю угрозу, в первую очередь со стороны радикальной исламистской оппозиции.

Теоретически интерес к российско-центральноазиатскому сотрудничеству мог бы возродиться, если бы местные деловые элиты поверили в то, что участие в соответствующих проектах сулит им реальную выгоду. Тогда на постсоветском пространстве могла бы сформироваться некая единая евразийская бизнес-элита, способная стать мотором кооперации. Но привлекательность российских проектов для Центральной Азии далеко не безусловна. Взаимодействие просматривается только на государственном уровне и всецело зависит от позиции тех политиков, которые сегодня находятся у власти. Политические устремления Кремля не всегда совпадают и с интересами российской бизнес-элиты, у которой нет геополитических амбиций, поскольку «она все измеряет деньгами..., лежащими в западных банках... К жесткой борьбе за доступ к ним [азиатским ресурсам] она не готова»³⁶.

Российская внешняя политика «минимизируется»

На сегодняшний день в мире нет такого региона, где Россия может на деле выступать в качестве преемницы СССР. Об этом можно судить, в частности, по недавним событиям на Ближнем Востоке, где российское влияние свелось к поддержке режима Башара Асада в Сирии. (Впрочем, весной 2013 года, после визита в Москву госсекретаря США Джона Керри, Россия, похоже, готова к тому, чтобы изменить свою позицию на более гибкую, свидетельством чему стало решение о проведении под эгидой России и США широкой многосторонней конференции с участием всех конфликтующих в Сирии сил.) Разумеется, вес России в Центральной Азии значительно превосходит ее вес в арабском мире, но и в центральноазиатском регионе российское влияние сокращается. Уже сегодня очевидно, что полноценное сотрудничество России со всеми странами региона осталось в прошлом. Скорее всего, оно будет сосредоточено на двух странах — Казахстане и Кыргызстане — с возможным присоединением Таджикистана. К тому же, наращивая свое влияние в одном государстве Центральной Азии, Россия может потерять его в другом. Тем временем в центральноазиатском регионе активно работают новые силы. «В первый раз за несколько столетий, — пишет Игорь Иванов, — континентальное окружение России в Евразии (в первую очередь Китай и Индия) оказывается более успешным и динамичным, чем сама Россия...»³⁷

На этом фоне серьезнейшей проблемой для российской дипломатии является острый недостаток профессиональных кадров, разбигающихся в хитросплетениях центральноазиатского региона и владеющих местными языками (тогда как в Соединенных Штатах подготовка такого рода специалистов систематически ведется уже много лет).

Наконец, во всех центральноазиатских странах вполне вероятно смена режима, и ни в одной из них к власти уже не придут политики, безраздельно ориентирующиеся на Россию. Это сулит

России новые трудности, тем более что Москва сделала слишком мало (или не сделала ничего), чтобы создать и укрепить пророссийское лобби среди молодого поколения политиков. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1999. С. 170.

² *Cranston A.* Out of Focus: US Policy Toward Central Asia // Harvard International Review. 1993. Vol. 15. No 3; *Fuller G. E.* Central Asia: The New Geopolitics / Prepared for the Under Secretary of Defense for Policy. Santa Monica: Rand Corporation, 1992; *Lubin N.* Dangers and Dilemmas: The Need for Precedent Policy Toward Central Asia // Harvard International Review. 1993. Vol. 15. No 3; *MacFarlane N.* Western Engagement in the Caucasus and Central Asia. L.: The Royal Institution of International Affairs, 1999; *Central Asia and the New Global Economy* / B. Rumer (ed.). N. Y., 2000; *Thinking strategically: The Major Powers, Kazakhstan and the Central Asian Nexus* / R. Legvold (ed.). Cambridge, MA; L., 2003.

³ United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Afghanistan Opium Survey 2011.

⁴ <http://www.polit.kg/newskg/550>

⁵ Цит. по: *Садовская Е.* Казахстан в Центральноазиатской миграционной субсистеме // Демоскоп *Weekly* (электронная версия бюллетеня «Население и общество»). № 415–416. 22 марта – 4 апреля 2010 (<http://demoscope.ru/weekly/2010/0415/analit04.php>).

⁶ *Садовская Е.* Казахстан в Центральноазиатской миграционной субсистеме // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под. ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской. М.: ИТ «АдамантЪ», 2009. С. 290.

⁷ Новая газета. 2011. 14 нояб.

⁸ Сказано на семинаре «Закат трудовой миграции», Бишкек, 18–19 мая 2009 года Еленой Садовской.

⁹ *Сергеев Н.* Таджикская истерия: уроки на будущее // Независимая газета. 2011. 30 нояб. С. 5.

¹⁰ Slon.ru/Russia/denezhnye_perevody_v_Tadzhikistan_pobili_rekird_2008_goda_i_dru

¹¹ *Джани Ф.* Визовый режим со Средней Азией: Аргументы против стереотипов. 2013. 21 февр. (www.fergananews.com/article.php?id=7633).

¹² *Пабст А.* Новая большая игра в Центральной Азии // Мир перемен. 2010. № 3. С. 165.

¹³ Министерство иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати. Обзор внешней политики Российской Федерации.

¹⁴ *Allison R.* Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // Central Asian Survey. Vol. 27. Iss. 2. 2008. P. 190.

¹⁵ *Константинов А.* «Попытка доминирования остановит интеграцию»: Первый вице-премьер Казахстана о Евразийской Союзе // Коммерсантъ-Online. 2011. 23 нояб. (<http://www.kommersant.ru/doc/1822396>).

¹⁶ Надо сказать, что снятие таможенного контроля на внутренних границах привело к немалым затруднениям для пассажиров. В аэропортах для уезжающих в страны ТС были выделены отдельные «накопители», где скапливались толпы раздраженных людей. Не было буфетов и ресторанов. Кроме того, пассажиры не могли пользоваться магазинами беспощинной торговли.

¹⁷ *Константинов А.* Указ. соч.

¹⁸ *Сапожков О.* Комиссары Евразии // Коммерсантъ. 2011. 31 окт.

¹⁹ Эксперт: Таможенный союз – это вызов на выживание. 2011. 14 дек. (www.regnum.ru/news/1479510.html).

²⁰ *Панфилова В.* Астана шлет Москве сигнал // Независимая газета. 2013. 19 марта.

²¹ *Путин В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которой рождается сегодня // Известия. 2011. 4 окт.

²² *Абишев Г., Самтаев Х.* Кыргызстан взяли в ТС // Курсивъ. 2011. 20 окт.

²³ Бизнес & Власть. 2011. 21 окт.

²⁴ *Панфилова В.* Отложенная партия Ислама Каримова // Независимая газета. 2011. 7 дек. С. 1, 7.

²⁵ *Ходасевич А.* Бонус для Лукашенко // Независимая газета. 2012. 17 апр.

²⁶ *Канафина Ж.* Нерушимые наши союзы // Караван. 2011. 25 нояб.

²⁷ *Агеева Е.* Вариации на тему интеграции // МК-Азия. 2013. 19 марта.

²⁸ Комментарий Владимира Парамонова корреспонденту газеты «Время» (Казахстан) Михаилу Козачкову 9 янв. 2013 года.

²⁹ The Financial Times. 2012. 7 Dec.

³⁰ Устав Организации договора о коллективной безопасности (www.dkb.gov.ru/b/azg.htm).

³¹ www.uzmetronom.com/2011/10/17odkb_oon_v_miniatjure.html

³² <http://www.militarynews.ru/excl.asp?ex=12>

³³ ОДКБ: ответственная безопасность / Под общ. ред. И. Юргенса. М., 2011. С. 9.

³⁴ Расчеты по приватизации «Газпромом» «Кыргызгаза» будут готовы в феврале 2012 года (Киргизия). 2011. 20 дек. (www.regnum.ru/news/1481716.html).

³⁵ *Грозин А.* Постсоветская Центральная Азия: Новые геополитические тенденции и российские интересы // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 5.

³⁶ *Ядуха В.* Что нам делать со Средней Азией. 2013. 4 марта (www.rosbalt.ru/blogs/2013/03/04/1101644.html).

³⁷ *Иванов И.* Какая дипломатия нужна России в XXI веке // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9. № 6. Ноябрь.–дек. С. 23.